

Обито моргнул.

... Ну, в какой-то мере это имело смысл; он продемонстрировал некоторый уровень мастерства в додзюцу, используя Аматарасу, но... сын Фугаку? Очевидно, он имел в виду Итачи.

Но если он правильно помнил, Итачи было... сколько, два года? Три? Не говоря уже о том, что на будущем клана лежала дурная слава, что его обучает черная овца. "Учиха Итачи, верно?"

Фугаку кивнул, а Обито недоверчиво посмотрел на него. "Итачи это - наследник клана и, соответственно, будущее клана. Я - черная овца. Думаю, вы понимаете, к чему я клоню".

"Предложение остается в силе, но это ненадолго. Решай сам", - прямо ответил Фугаку.

"Я принимаю, только хочу знать, почему именно я?" Обито беззлобно усмехнулся.

Похоже, в последнее время он часто задавался этим вопросом. "Конечно, для вашего сына есть лучшие наставники".

"Почему" не имеет значения. Мы договорились". С этими словами Фугаку развернулся и начал выходить из комнаты, но на пороге остановился.

"... Разумеется, ты не начнешь сразу. Я приду к тебе, когда пожелаю начать его обучение".

Выходя из комнаты, Обито воскликнул: "Я бы все равно его обучил, знаете ли!" И это было правдой. Итачи был одним из немногих Учиха, которых он признавал и уважал; Обито не возражал против того, чтобы проводить время с юным вундеркиндом.

В самом деле, мальчик мог оказаться ценным помощником в борьбе с такими личностями, как Мадара, Зецу и Орочимару. Если, конечно, к тому времени, когда Итачи достаточно подрастет для сражений, все они не будут мертвы.

Когда он почувствовал, что чакра Фугаку остановилась рядом с чакрой Минато, он активировал Камуи, чтобы прослушать его. Как и в случае с Аматарасу, контроль над техникой был немного шатким, но, в отличие от той техники, Камуи была той, которую он использовал на протяжении всей своей жизни.

Изменить пространство так, чтобы направить их голоса к нему, было несложно, тем более что он был мастером использования этой техники даже в пылу сражения с противниками S-класса. Кроме того, их разговор касался его, и он считал, что имеет право знать.

"Фугаку?" Голос Минато был спокойным, но с затаенной тревогой. "Что случилось? О чем вы говорили?"

Вздых. "Он хочет оставаться независимым от клана. И я не могу его за это винить".

"В таком случае", - Обито практически слышал ухмылку в голосе Минато. "Позвольте мне присмотреть за Обито. Я уже говорил об этом с Хокаге-сама, и он сказал, что все в порядке, если только я получу согласие клана Учиха".

"Минато..." Наступила пауза, и Фугаку снова вздохнул. "...Я сделаю все возможное, чтобы старейшины клана не вмешивались, но ничего не обещаю. Уверяю тебя, они будут не в восторге от этого".

"Ну и ладно, в конце концов, я более чем способен защитить себя от пары озлобленных

старейшин".

Глава клана издал разочарованный стон, а Минато усмехнулся. "Вопрос о Мангекё ребенка останется тайной для меня и вашей команды. Убедитесь, что ваши ученики держат это в секрете, так как я сомневаюсь, что последствия, если это станет достоянием общественности, будут приятными".

"Конечно."

Их голоса стихли, и последнее, что услышал Обито, было отрывистое "до свидания", после чего звук срабатывания дверного замка оповестил его об окончании разговора.

Он отменил Камуи и вытеснил чакру из глаз, деактивировав Шаринган.

"Обито?"

Его взгляд метнулся к медленно открывающейся двери, в которой стоял Минато с озорной улыбкой на лице.

Обито ничего не мог с собой поделать, но его глаза были прикованы к Минато, следя за каждым его движением, за каждым изменением выражения лица.

Прошло много лет с тех пор, как он видел этого человека - живым и здоровым, то есть не в Эдо Тенсей - и одним из последних воспоминаний о нём было холодное выражение лица, которое он принял во время их битвы в ночь рождения Наруто.

"Э-э..." Минато почесал затылок, и Обито понял, что его пристальный взгляд, пожалуй, был более чем нервным.

"Поскольку ты будешь находиться здесь некоторое время, тебе, вероятно, понадобится новая одежда. Как я уже говорил в прошлый раз, ничего, кроме фотографии, восстановить не удастся..." На встревоженный взгляд Обито, Минато быстро добавил: "Она лежит вон там, на тумбочке".

Он указал на тумбочку, и Обито проследил за его взглядом, только вздохнув с облегчением при виде картины. Она была помещена в новую рамку, простую березовую, но это его не волновало.

Однако его внимание вновь было обращено на Минато, когда тот схватил руку Обито, чтобы положить что-то ему на ладонь.

Когда рука мужчины отдернулась, Обито увидел ярко-зеленый, пухлый бумажник в форме лягушки. Он мысленно отметил, что этот кошелек очень... напоминает Наруто.

"Надо бы сходить за покупками, ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы передвигаться?"

Обито перекинул больные ноги через край кровати и передернул плечами. Кожа все еще немного болела, но, мышцы и кости не были повреждены, так что все было в порядке.

Он встал и прошел мимо Минато, после чего тихо произнес. "... Минато-сенсей, не могли бы вы... Не могли бы вы оставить меня одного на некоторое время? Я вернусь до захода солнца, просто хочу побыть один". Если Минато и был встревожен, то ему удалось это скрыть.

Выражение лица Минато, судя по тому, что он видел краем глаза, не сильно изменилось - он выглядел несколько подавленным, и лишь едва заметные колебания чакры указывали на то, что Обито почувствовал беспокойство.

Тем не менее, Минато вздохнул. "Все в порядке. Только не делай ничего безрассудного. Пожалуйста".

Обито кивнул и отвернулся. "Простите... Сэнсэй. Мне просто нужно немного времени для себя, потом я приду в норму".

После того, как он немного пришел в себя, он уже не видел той веселой маски, к которой привык.

Он был слишком растерян и сбит с толку, и побыть одному было именно тем, что ему было нужно.

Не говоря больше ни слова, он вышел из комнаты и направился в более оживлённые районы Конохи.

Пройдя по знакомой улице, Обито вздрогнул от увиденного зрелища. Оно было слишком знакомым, и почти сразу же в нем разгорелась внутренняя борьба.

В детстве он всегда с уважением относился к старшим - к пожилым старикам. Это было в его характере, и он всегда старался помочь им.

Была одна женщина - Хана-обаачан, с которой у Обито сложились отношения как с бабушкой и внуком.

Когда бы они ни пересекались, мальчик помогал ей: носил продукты, поливал комнатные растения, доставал что-то из самого высокого шкафа или нес в больницу, потому что у нее случился внезапный приступ артрита.

Какова бы ни была просьба, Обито всегда был готов помочь ей. Иногда ей даже не нужно было ничего говорить - помощь Обито становилась настолько привычной, что он просто действовал по инстинкту. Чаще всего инстинкт оказывался верным.

Итак, 31-летний Обито, застрявший в своем двенадцатилетнем теле, уставился на женщину. На женщину, которая в данный момент лежала на земле в полулежачем положении, повернувшись лицом в сторону и закрыв глаза от боли.

Первым его побуждением было отвернуться и продолжить идти. Не обращать внимания на ее положение и идти дальше. В конце концов, у него тоже были свои проблемы, и нельзя сказать, что раньше он не делал ничего хуже.

Ведь он уже однажды видел ее смерть.

Точнее, он этого не видел. Но он знал, что она погибла во время нападения Кьюби, и, следовательно, погибла от его руки.

Видимо, она была одной из тех несчастных душ, которые погибли под огромными когтями чудовища в разгар его буйства, управляемого Кьюби с помощью Мангекё Шарингана.

Обито не знал, что она умерла, пока однажды, во время своего обычного осмотра деревни и

посещения могилы Рин, не прошел мимо дома (останков) старухи и не увидел красные паучьи лилии.

Отсутствие цветов стали достаточным основанием для того, чтобы понять что старухи больше нет.

<http://tl.rulate.ru/book/80947/3340302>